

ГУМАНИТАРНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Биосоциология молодежи: экспертные оценки изменений в новых поколениях*

Вал. А. Луков

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В статье анализируются первые результаты социально-гуманитарной экспертизы по проблемам биосоциологии молодежи, проведение которой начато в 2012 г. в Институте фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета.

Ключевые слова: биосоциология, молодежь, социально-гуманитарная экспертиза, тезаурусный подход.

Научная школа социологии молодежи, сложившаяся в Московском гуманитарном университете (Ильинский, 2005, 2011; Ковалева, 2006, 2011 и др.), отличается стремлением к инновационности в изучении молодежи. Обращение к актуальным проблемам молодежных исследований показало, что некоторые из них нуждаются в прояснении с той стороны, которая может быть обозначена как биосоциология молодежи. В самых общих чертах мы сформировали такое поле исследований в монографии «Теории молодежи: междисциплинарный анализ», где в наиболее полном виде представлена тезаурусная концепция молодежи (Луков Вал., 2012а). Исходным был ранее сформированный в соавторстве с Вал. А. Луковым тезаурусный подход как методологический ключ к субъектной организации гуманитарного знания (Луков Вал., Луков Вал., 2008). Эта методология была успешно апробирована на самых разных объектах гуманитарного исследования (Захаров, 2008; Костина, 2008; Ламажаа, 2011; Луков Вал., 2009, 2012; Гуманитарное знание..., 2006; Высшее

образование..., 2009; Горизонты гуманитарного знания, 2011 и др.).

Обратившись к биосоциологии молодежи в рамках специального исследования, мы изложили свое видение этого направления исследований в ряде публикаций (Луков Вал., 2012b, 2012c, 2012d), где биосоциология осмысливается как научная концепция междисциплинарного характера и практика исследования сложных по природе явлений современной общественной жизни, исходящих из неразрывной связи биологического и социального компонентов в жизни человека и человеческих сообществ (социальных общностей). Мы также отмечали, что развитие биосоциологии тесно связано с институционализацией гуманитарной (социально-гуманитарной) экспертизы как способа сознательной регуляции изменений в человеке и обществе в условиях, когда технологически становится возможным в массовых масштабах осуществлять инновации, касающиеся самой природы человеческого и социального (Луков Вал., 2011). Серьезным подспорьем в формировании биосоцио-

* Статья подготовлена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект 11-06-00483-а).

логии как системы знаний стало изучение достижений биоэтики в осмыслении перспектив человека (Юдин, 2006).

В развитии концептуальных положений биосоциологии молодежи мы и пошли путем организации социально-гуманитарной экспертизы. На начальном этапе имеет значение именно концептуализация подходов, и еще рано ставить перед социально-гуманитарной экспертизой более детальные задачи, касающиеся применения биомедицинских технологий или анализа содержания принимаемых актов законодательства и т. п. Соответственно на этом этапе социально-гуманитарная экспертиза направлена на выявление проблемных полей исследования современной молодежи в контексте кардинальных структурных перемен в обществе, относящихся ко всем сферам человеческой жизни, включая и эксперименты, затрагивающие биологическую природу человека.

В связи с поставленной задачей мы разослали видным ученым в области социально-гуманитарного знания, специалистам по проблемам молодежи, другим экспертам, мнение которых существенно для данного исследования, письма с просьбой высказать свое мнение по следующим пяти группам вопросов:

1. *Считаете ли Вы, что в последние десятилетия среди молодежи происходят изменения, которые затрагивают в значительном числе случаев ее телесность, интеллектуальный и социокультурный потенциал? Насколько правдоподобны утверждения о массовом появлении «детей-индиго» и другие гипотезы о новом поколении, которое заметно отличается по биопсихическим и социокультурным свойствам от старших поколений?*

2. *Встречались ли Вам в Вашей практике молодые люди с особыми биосоциальными свойствами, умственными, творческими и другими способностями, которые дали Вам повод размышлять, что это не уникальные случаи, а свидетельство возникающих новых тенденций в развитии человека и общества? Что это за случаи и что это за тенденции?*

3. *В научных сообществах обсуждается вопрос о возможностях решительного изменения продолжительности жизни человека при*

помощи новых биомедицинских технологий (включая разработку медицинских нанороботов и т. п.). Получили распространение идеи трансгуманизма о скором появлении постчеловека и т. п. Если такие изменения произойдут и человек будет жить 100 и больше лет, сохраняются ли общественные функции молодежи? Какие изменения в ее социализации и ее жизненном становлении можно ожидать? Вообще — будет ли выделяться молодежь как особая социальная группа в таком обществе?

4. *Уже имеют место практики проектирования заданных телесных и интеллектуальных свойств ребенка. Насколько реально их массовое применение в ближайшие 25 лет? Какие последствия для общества они могут иметь? Как их поставить под контроль общества и нужен ли этот контроль?*

5. *Какие вопросы, связанные с исследованием молодежи, актуальны в сфере Вашей профессиональной деятельности? Что Вы считаете для себя понятным, а что непонятным в современной молодежи?*

На письма откликнулись более 50 ученых. К настоящему времени мы получили 24 ответа, на которые опираемся в настоящей публикации. От экспертов мы получили разрешение при публикации итогов экспертного опроса цитировать их ответы с указанием соответствующих сведений об авторах.

Обратимся в данной статье к ответам экспертов на первый из поставленных вопросов. Он предполагает признание/непризнание исследователями существенных изменений в молодежной среде, которые относятся к телесности, интеллектуальному и социокультурному потенциалу. В количественном отношении выявилась удивительная симметрия в группировке ответов при их распределении по следующим четырем группам: А) ответ «да» с характеристикой изменений преимущественно как положительных; Б) ответ «да» с характеристикой изменений преимущественно как отрицательных; В) ответ «да» с нейтральной характеристикой изменений; Г) ответ «нет». В каждой из этих групп оказалось по шесть экспертных заключений. Количественное равенство, конечно, является чистым совпадением и изменится при получении но-

вых ответов, но то, что позиции экспертов распределились по всем выделенным группам, заслуживает внимания. Из этого обстоятельства, во-первых, следует, что в экспертном сообществе нет солидарности по данному вопросу, и это надо признать как важное свидетельство неоднозначности и многомерности самой проблемы; во-вторых, что биосоциологическая трактовка молодежи не может быть построена на каком-либо одном незыблемом основании и должна учитывать многообразие аспектов, из значения которых исходят эксперты, определяясь со своей позицией по данному вопросу. В этом видится проблема, подлежащая осмыслению с точки зрения тезаурусного подхода.

Выделим некоторые из этих существенных аспектов, связывая их с указанной выше группировкой экспертных заключений.

Группа А. В ряде экспертиз подчеркивается значение для рассматриваемых изменений в молодежной среде *общих природных процессов развития в сочетании с масштабной человеческой деятельностью*. Такой позиции придерживаются крупный специалист в области информатики, доктор технических наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем информатики РАН К. К. Колин (его статью, основанную на экспертном заключении, см. в этом номере журнала «Знание. Понимание. Умение»: Колин, 2012), доктор философских наук, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Российской международной академии туризма Е. В. Мошняга, доктор исторических наук, профессор В. К. Криворученко и др. Так, известный украинский ученый, заместитель директора Центра гуманитарного образования Национальной академии наук Украины, кандидат философских наук, доцент Ю. А. Ищенко пишет: «Действительно, такие изменения, влияющие на телесность, интеллект и культуру молодежи, имеют место. Вероятно, имеет смысл рассматривать их как естественно-исторический процесс коэволюции природы и общества, обретающий ныне свою специфику под воздействием современных информационных, биомедицинских, нано- и гуманитарных тех-

нологий, и разнящихся от общества к обществу мерой их развитости, востребованности и возможностей воплощения. Очевидно, что ни одна из этих технологий не должна рассматриваться изолированно от другой, скорее речь может идти о каком-то временном интервале доминирования одной из них, что связано в целом со структурой и системой общественных практик, вне которых они имеют лишь гипостазированное существование. В рамках этого интервала формируется некая инновационная практика, обуславливающая определенную психосоматику людей как инвариант реакций на ее реализации. Естественно, что такая психосоматика вырабатывается быстрее и четче в жизнедеятельности тех индивидов, поведение которых отличается лабильными генетическими программами и не отягощено нормами и ценностями предшествующих практик. К ним, прежде всего, принадлежат дети».

Интересный поворот темы находим в ответе кандидата философских наук, старшего научного сотрудника Института философии РАН Г. Ю. Канарша: он обращает внимание на такой внешний фактор изменений человеческого потенциала, как *перемены в питании*. Это, например, касается региона Восточной Азии (в частности, современного Китая), где имеет место изменение структуры питания (увеличение в потребляемом рационе белковой пищи): «В результате в ряде случаев меняется традиционный облик молодого китайца: на место привычного образа низкорослого молодого человека приходит образ достаточно высокого, хорошо сложенного юноши (молодого мужчины), вполне сопоставимого по своим конституциональным характеристикам с европейцами и американцами. Однако трудно сказать, насколько сильной и устойчивой окажется данная тенденция (связанная с мощным экономическим подъемом Китая), и не столько по причинам социально-экономического характера (по прогнозам, подъем Китая будет продолжаться в ближайшие десятилетия), сколько по причинам именно конституционально-генетическим (устойчивость выработанных веками и тысячелетиями приспособительных механизмов, включая опреде-

ленные формы телесности). Если же допустить, что данная тенденция будет становиться все более определяющей, то за изменениями в особенностях телосложения могут последовать изменения психической (психофизиологической, неврологической, психомоторной) сферы, которые, в свою очередь, способны повлечь за собой серьезные трансформации в способах организации социальной жизни».

Систематически данная позиция изложена в ответе доктора психологических наук, генерального директора Центра элитарных инвестиций и депозитов виртуальной генеалогии «Трилемма» Г. П. Юрьева. Он выделяет пять аргументов в поддержку своей точки зрения: «1.1. Да, я наблюдаю эти изменения в процессе своей научно-исследовательской и профессиональной психотерапевтической деятельности. 1.2. Заметно, что называется “на глаз”, увеличилась относительная скорость обработки когнитивной и виртуальной биоэтической информации у молодых людей, это смысло-физиологический показатель. В указанном контексте термин “биоэтический” соответствует субличностным интракоммуникативным процессам индивидуума в отличие от использования традиционного термина “биоэтический”, действующего в парадигме межличностных коммуникативных процессов. 1.3. Сдвинулись сроки взросления виртуального человека, в частности этап становления (девиртуализации) личности за годы моей работы с детьми и подростками сместился с 11–12-летнего возраста (работа Н. А. Носова “Виртуальный человек” (Носов, 1997). — В. Л.) до 10-летнего возраста. Это результат эмпирических наблюдений из моей практической деятельности в рамках семейной и подростковой биоэтической терапии. 1.4. О том, что этап становления разума (метафорического удвоения ума-разума) с 6-летнего возраста (работа Н. А. Носова “Виртуальный человек”) сместился к 5 и более раннему возрасту, известно многим ученым. 1.5. Отмечаемые факты ускорения этапов развития детей и подростков соответствуют естественным закономерностям процессов мультипликации виртуальных реальностей, эффекту виртуальной возгонки при статусных переходах из одной реальности

в другую в процессе виртуальной эволюции человека. Это результат моих теоретических исследований».

Группа Б. *Отрицательные итоги перемен в молодежи* отмечают некоторые из экспертов, и в их числе доктор социологических наук Д. Л. Агранат, доктор исторических наук, профессор Е. В. Бодрова, кандидаты социологических наук С. В. Кочнев и О. О. Намлинская и др. Среди прочего отмечается такой фактор негативных изменений, как *ухудшение здоровья молодежи*. Но в некоторых случаях оценки по данному вопросу оказываются дифференцированными. Так, кандидат физико-математических наук, старший научный сотрудник Института философии РАН И. И. Ашмарин, специализирующийся на комплексных исследованиях человека, дает две различающиеся оценки по данному вопросу: «а) Изменения, которые затрагивают телесность молодежи, связаны, на мой взгляд, исключительно с общим ухудшением ее здоровья. [...] б) Изменения интеллектуального и социокультурного потенциала молодежи (может быть, пока не столь заметные), на мой взгляд, есть, они позитивны и связаны исключительно с политическими и экономическими трансформациями, происшедшими в нашей стране в 90-е годы (выросло “небитое”, а значит, внутренне свободное поколение)». Этот свой вывод эксперт базирует на преподавательском опыте в высшей школе и на результатах социологических обследований, проводимых автором на протяжении последних десяти лет в университетах и вузах Москвы (МГУ, МИФИ, МГТУ), Санкт-Петербурга, Новосибирска, Краснодара, республик Коми и Кабардино-Балкария.

Группа В. Мы выделили эту группу, основываясь на том, что эксперты, признавая наличие существенных изменений в молодежной среде, не рассматривают их в оценочных категориях или видят в них и позитивные, и негативные черты. Здесь представлены оценки доктора философских наук Ч. К. Ламажаа, доктора социологических наук, профессора Н. А. Селиверстовой, кандидата экономических наук, доцента В. А. Гневашевой, кандидата философских наук, доцента Е. И. Ярославцевой и др.

Небезынтересно обращение заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора Вл. А. Лукова к *историческим параллелям*, а также к *социокультурной дифференциации молодого поколения*: «Следует различать эти процессы в мегаполисах и в малых городах, в сельской местности. Связь между этими двумя группами (с очевидным влиянием мегаполисов) осуществляется в основном через СМИ и поэтому носит поверхностный характер. Телесность если и меняется, то только в обычных темпах эволюции. Зато желание изменить телесность выходит на уровень жизненно важных чаяний (прежде всего в мегаполисах): стремление похудеть до стандарта 90–60–90 (чисто культурный, а не природный стандарт) у девушек, нарастить мускулы (бодибилдинг) у юношей, покрыть кожу татуировками (тату), проколоть тело в разных местах (пирсинг), сменить цвет и длину волос, удлинить ногти, улучшить внешность за счет кремов, макияжа, модной одежды, с помощью пластических операций приобрести внешность Мэрилин Монро или Элвиса Пресли (влияние массовой культуры). В непосредственной связи с изменением телесности идет желание изменить презентацию тела (осанка, походка «от бедра», высокие каблуки, улыбка, ювелирные украшения, манеры, в том числе феминизация юношей и маскулинизация девушек, вписывающиеся в эти процессы).

Изменение интеллектуального потенциала (переход от книги к компьютеру для получения знаний, переход от классики к продукции массовой культуры и т. д.) не носит принципиального характера и скорее характеризует современные взаимоотражения поколений, чем глобальную проблему интеллектуального изменения человека. Надо помнить, что и в наше просвещенное время 70% жителей Земли неграмотны, для них безразличны книги или Интернет как источник знаний. Любопытно, что в мегаполисах все более высокая компьютерная грамотность координируется с все большим отходом от классического наследия искусства, заменой его «низовой» образностью (в чем можно усмотреть биосоциологические аспекты: развитие левополушарной и уг-

нетение правополушарной деятельности мозга). Но свидетельствует ли это о формировании новой человеческой генерализации? Сомнительно, потому что вне мегаполисов эти процессы малозаметны (там с отсутствием интереса к классике скорее координируется недостаточная грамотность, невысокий уровень культурного развития, а это явление не сегодняшнего дня, и столетия назад было нечто похожее).

Наконец, молодежь неоднородна, в ней можно выделить следующие группы: 1) интеллектуальную элиту; 2) художественно-творческую элиту; 3) социальных лидеров; 4) спортивную и военную элиту; 5) лидеров в бизнесе и торговле; 6) молодежь без проявленных данных, позволяющих им войти в первые пять групп. С удивительным постоянством такая конфигурация повторяется в истории. Так, в Древней Индии выделялись четыре варны — 1) брахманы (соответствует п. 1–2); 2) кшатрии (соответствует п. 3–4); 3) вайшьи (соответствует п. 5) и вне этих привилегированных варн стояли 4) шудры (сопоставимо с п. 6). Есть ли здесь биосоциологический аспект? Несомненно: здесь представлено сочетание социального потенциала с наличием специфических талантов — а это природный феномен (при этом надо помнить, что талант — редкость)».

В плане дальнейшего развития темы большой интерес представляет позиция, высказанная кандидатом психологических наук, доцентом О. В. Луновой: «Мне кажется, что действительно происходят изменения, затрагивающие все три названные сферы. Изменение телесности (понимаемой в современной психологии очень широко) выражается в большей свободе невербальных коммуникаций, выраженной тактильности (поцелуи, объятия и др.), а также в отсутствии нетерпимости к невербальным моделям публичного поведения. Молодежь не смотрит на поведение других с позиций клишированности. Этому способствует и гуманизация межличностных отношений, и признание прав других на свободу поведения и проявления себя.

В интеллектуальном и социокультурном плане мне бросается в глаза возросшее в несколько раз разнообразие в молодежной сре-

де. Стало меньше унифицированности и больше индивидуальных проявлений во всем. Этим они мне стали интереснее. Расцветают интеллекты разного типа, подтверждая теорию мультиинтеллектов. Новая предметная, социальная и культурная среда позволяют многим искать приемлемые, конгруэнтные их складу сферы реализации. Причем не в традиционном наборе “врач, инженер, учитель”.

По результатам психологических исследований практически все мои коллеги сходятся во мнении, что растут потребители, а не личности. Однако в тренингах я наблюдаю выраженную многолетнюю тенденцию развития самосознания, рефлексивных способностей у всех возрастных групп. Иногда при очень низком академическом интеллекте. Раннее включение в работу (теперь начиная с первого курса работает более половины студентов), несомненно, снижает качество учебы, но оказывает и сильное влияние на развитие личности в новой профессиональной среде. Это уже не субкультурные референтные группы, а серьезная деятельность, зарабатывание денег.

Нельзя не заметить и большое число значимо инаковых молодых людей. Инаковость выражается в парциальных расстройствах высших психических функций. Обсуждение этой проблемы с разными специалистами позволило пока увидеть детерминацию этой инаковости (частичной и часто явно патологической) в том, что жизнь ребенку сохраняется после сложных беременностей и родов, тяжелейших травм. Раньше медицина сделать этого не могла. Психиатры и специалисты в сфере коррекционной работы разводят руками и признают, что не знают, как с ними работать, как влияют на них медикаментозные средства. Пока идет только накопление информации.

Для меня очевидно, что интеллектуальные операции у молодежи очень изменились. Прежде всего, в том, что связано с установлением связи между явлениями предметного мира. “Схватываемость” возросла у многих, но не у всех. Здесь тоже наблюдается разнообразие».

Группа Г. Часть экспертов не видят оснований для того, чтобы считать фактом значительные изменения в телесности, интеллекту-

альном и социокультурном потенциале молодежи в последние десятилетия. Прежде всего подвергаются сомнению изменения на биологическом уровне. Известный культуролог, доктор философских наук, профессор О. Н. Астафьева пишет нам: «Не думаю, что трансформация биологических и антропологических изменений столь кардинальна, скорее можно говорить о серьезных социокультурных сдвигах, расширении пространства массовой и глобальной культуры как контекста, влияющего на паттерны и модели социализации и общей культуры нового поколения. Кроме того, культурно-цивилизационные изменения создают условия для самореализации личности, что ошибочно можно интерпретировать как биопсихические изменения». Похожую позицию высказывают заведующий сектором биоэтики и гуманитарной экспертизы Института философии РАН, доктор философских наук П. Д. Тищенко, ведущий научный сотрудник того же института, доктор философских наук Л. А. Киященко, заведующая кафедрой философии, культурологии и политологии МосГУ, доктор философских наук и доктор культурологии А. В. Костина.

В своей экспертизе выдающийся российский психолог член-корреспондент РАН, член-корреспондент РАО, доктор психологических наук, профессор, директор Института психологии РАН А. Л. Журавлев подходит к аргументации с другой стороны. Он пишет: «Эволюционно и исторически обусловленные изменения в человеке, затрагивающие телесность, интеллектуальный потенциал и другие его свойства, имели место всегда. Разница состоит в том, что ранее такие изменения в меньшей степени изучались и в целом менее замечались, поэтому создавалась иллюзия, что их вообще не было. В каждом новом поколении молодежи существенно отличалась лишь ее небольшая часть от предыдущего поколения, когда оно было в молодом возрасте, причем относительная доля этой части может оставаться примерно такой же, что и раньше. В настоящее время отличие заключается в том, что изменения в историческом времени фиксируются в антропологии и социальных науках все с большей полнотой и точностью. То или иное

изменение становится массовым уже тогда, когда оно перестает быть новым. Через новые поколения происходит эволюционная апробация целесообразности новых свойств, качеств, функций человека в целом. С новыми поколениями не только нарастают проявления каких-то свойств, но и снижаются, а возможно, и совсем исчезнут. Например, у многих представителей новых поколений явно снижается способность к счету в уме, тренировка которого ранее рассматривалась и использовалась в качестве одного из важных способов развития умственных способностей в целом. Примерно так же снижается способность современных детей красиво писать, а ведь эта способность тесно связана с развитием не только психомоторики, но и произвольной регуляции — важнейшей сферы психического».

Доктор психологических наук, профессор В. П. Позняков обращает внимание на то обстоятельство, что «система обучения в школе претерпела серьезные изменения, связанные с тем, что снизились роль и уровень требований к знаниям в области точных наук и точных знаний (математики, физики) и интерес к ним у молодежи и повысилась доля знаний гуманитарных, понимание которых строится по иным психологическим принципам (целостность, нечеткость, большая роль интуиции и меньшая — логики, формальных знаний). То есть меняется сам тип мышления, многие дети схватывают суть предмета изучения, понимают, о чем идет речь, но вербальные и логические способности при этом могут быть сравнительно ниже. Думаю, что этот вопрос требует специального и тщательного научного исследования. Но главный мой тезис — тот, что речь идет не о биологических или физиологических изменениях, а об изменениях функционирования психических процессов, мышления как следствия в изменениях системы и методов обучения». Выделение особой роли образования (как социального института) в изменении личностных свойств молодежи (а на это указывают также доктор исторических наук, доцент М. Н. Гусарова, эксперты Вл. А. Луков, Е. И. Ярославцева и др.) значимо для концептуализации биосоциологии молодежи.

В рамках тематики первого вопроса для нас важно было также уточнить мнение экспертов о так называемых *детях-индиго* и о других гипотезах, касающихся молодежи и характеризующих их значительное отличие по биопсихическим и социокультурным свойствам от старших поколений. Большинство экспертов не признают концепцию «детей-индиго» научно обоснованной. Приведем некоторые высказывания.

И. И. Ашмарин: «К утверждениям о массовом появлении “детей-индиго” я отношусь так же, как к сообщениям о посещениях Земли инопланетянами. Думаю, любой профессиональный нейрофизиолог относится к этому еще критичнее».

В. А. Гневашева: «Гипотезы о “новом поколении” предполагаю вызовом времени, констатирующим социоэкономическое изменение общества в целом, активное развитие информационных технологий и их внедрение в жизнедеятельность людей».

В. П. Позняков: «Мое мнение на данный момент — это, скорее, мистификация журналистов и популяризаторов науки с целью привлечь внимание аудитории. Я не нашел убедительных научных фактов, которые бы подтверждали (или опровергали) представленную информацию».

В то же время некоторые эксперты видят за явно фальсифицирующей реальными процессами маркировкой *определенные смыслы, заслуживающие внимания исследователей*. Так, Ю. А. Ищенко пишет: «Данное обстоятельство, во-первых, проясняет определенное содержательное наполнение получившего ныне широкое распространение концепта “дети-индиго” в качестве вероятностной модели интерпретации таких изменений, а во-вторых, уточняет его объяснительные возможности. Название концепта, к сожалению, часто приводит к содержательной и смысловой аберрации проблемы, поскольку словосочетание “дети-индиго”, в его научном употреблении, имеет много внерациональных интерпретаций, привносимых семантикой повседневного языка общения, где оно ассоциируется с “чудом”. С другой стороны, поскольку этот концепт как гипотеза в настоящее время слабо *верифи-*

цифруем, однако, как и другие гипотезы о новом поколении, отличающемся по своим биопсихическим и социокультурным качествам от старших поколений, вполне *фальсифицируем*, его можно рассматривать в качестве идеи, задающей программу естественно-научных (прежде всего биологических) и социогуманитарных исследований.

Я разделяю мнение, что на сегодняшний день не существует четких критериев, по которым можно отличить “детей-индиго” от остальных детей, а признаки, которые приводятся разными исследователями, могут кардинально различаться. Отвлекаясь от биологической составляющей — влияния генетических программ, генно-молекулярных технологий, биомедицинских манипуляций, отмечу, что, на мой взгляд, появление среди “индиго” “гуманистов”, “концептуалистов”, “художников” и др. лишь отражает своеобразную стратификацию и мобильность общества, соответственно и социальных групп родителей, в семьях которых таковые рождаются. Так, можно допустить, что “гуманисты” подпадают под идеальный тип, где доминирует коммуникативная составляющая жизни, вербальная культура, речь с ее игрой слов, риторичностью и метафоричностью, “концептуалисты” — под идеальный тип, в котором доминантой является рациональность, действие, ценности власти, инструментального преобразования, вплоть до силы, “художники” — дань все более усложняющейся символизации мира с доминантой на образно-визуальное его восприятие. Естественно, что эти идеальные типы в чистом виде не встречаются, и “реальные дети” являются сложнейшим сочетанием вышеуказанных черт. Рациональному осмыслению феномена “детей-индиго” мешает и риторика по поводу их исключительности — “новая раса людей”, “пророки”, “гении”, на которых возложена “миссия”. К тому же это формирует новые опасности и риски, в частности повышает агрессивность человеческой массы, расширяет путь к расизму и фашизму и влияет на критичность общественного мнения.

Рассматривающий наименование «дети-индиго» как *метафору*, А. Л. Журавлев нашел, по-видимому, наиболее продуктивный способ

извлечения из спорной в научном отношении идеи подлежащего исследованию актуального содержания, иными словами введения в научно ориентированный тезаурус чуждого термина путем его позитивного переосмысления. Он пишет: «Что же касается “детей-индиго”, то возник этот феномен как миф о “синей ауре”, имеющий место вокруг некоторых рождающихся детей, а затем в качестве метафоры стал использоваться для обозначения детей с какими-то необычными способностями. Если даже представить, что дети с такой аурой существуют, то почему при этом утверждать, что они только современные? Они ведь могли существовать в любые исторические времена! Если же речь идет о детях с необычными способностями, то они всегда были, и при чем здесь “синяя аура”? Что же касается способа привлечения внимания к проблеме детей с необычными способностями, то он оказался вполне успешным, но не имеющим отношения к традиционной науке. Конечно, в таком деле нужны не столько мифы, хотя интерес к ним у людей всегда существует, сколько специально организованные научные исследования, которые позволят отвечать на вопросы языком точных измерений и строгих сравнений».

В том же духе некоторые эксперты оттачиваются от темы «детей-индиго», чтобы обозначить *более реальные для исследования объекты и влияющие на них процессы*. Таково, в частности, воззрение Ч. К. Ламажаа: «В своей практике я не встречала таких детей, которых называют “дети-индиго”. Собственно, и этот термин, на мой взгляд, еще не получил достаточных обоснований, чаще ассоциируется с модными воззрениями, не имеющими под собой реальных оснований. Гораздо более интересна другая постановка вопроса, связанная с теми изменениями в интеллектуальных, психологических, биологических свойствах детей, которые подрастают в качественно иных социокультурных условиях, чем их родители».

В экспертизах П. Д. Тищенко и Вл. А. Лукова от темы «детей-индиго» сделан мост к глубокому пониманию связи времен, взаимодействия поколений, которые необходимо учитывать при концептуальной разработке биосоциологии молодежи.

П. Д. Тищенко: «У меня нет никаких сведений о появлении новой породы молодежи. Тем более что термин “дети-индиго” для меня представляет язык, на котором я не говорю. Если же говорить об исторических трансформациях души и тела, то мне кажется, что необходимо использовать два дополнительных способа описания или модели времени. Для классической науки, многое черпавшей из физики, характерна идея “проходящего времени”. События из неопределенного “будущего” проходят через игольное ушко “настоящего”, становясь “прошлым”. С этой точки зрения “молодежь” является репрезентантом будущего, “взрослое” население — “настоящего”, а “стариками” — “прошлого”. Поэтому вы логично, ставя вопрос об изменениях человеческой телесности и культурных качеств, предлагаете отследить их между поколениями.

Я думаю, что такие изменения есть, но обусловлены они не особенностью переживаемой ситуации, а извечными, повторяющимися событиями прохождения возрастных преобразований в каждом поколении. По крайней мере, весьма трудно будет отличить — что в этих различиях от неизбежного старения, а что от иных обстоятельств.

Поэтому модель проходящего времени полезно дополнить моделью, которую я обозначаю как модель “растекающегося времени”. Изменение не только в том, что нечто в качестве “будущего”, пройдя момент “настоящего”, становится прошлым, но и в изменении самих моментов временения. <...> Изменения здесь совершаются на уровне трансформаций временных паттернов в целом. Я думаю, что не только “молодежь” является резервуаром социобиологической инноватики, но и все остальные возрастные когорты. Поэтому сравнение различий между возрастными группами полезно дополнить сравнением иных различий внутри групп. “Молодежь” устаревает столь же стремительно, сколь “молодеет” социальная группа “стариков”. Компьютер, Интернет, мобильная связь — общецивилизационные факторы тотальных психофизиологических изменений.

Даже без непосредственного вмешательства в тело и душу человека они их трансформи-

руют на уровне “функциональных органов”. Человек душой и телом вписывает себя в новую техногенную реальность и как младенец, и как ребенок, и как молодой человек, и как зрелый человек, и как старик».

Вл. А. Луков: «В целом мы исходим из идеи (можно считать ее экспертным заключением), что все уже было и даже в более впечатляющих формах, наше время — один из вполне типичных переходных периодов, эволюция человечества идет через подъемы и спады. При этом не исключено, что если биологические ритмы очень велики по продолжительности фаз, то биосоциальные ритмы значительно короче и под влиянием социокультурных чередований стабильных эпох и переходных периодов могут вступать с ними в резонанс».

Таким образом, уже на начальном этапе социально-гуманитарной экспертизы, имеющей целью прояснение концептуальных оснований биосоциологии молодежи, могут быть выявлены: а) тезаурусная близость представителей разных направлений социально-гуманитарного знания в трактовке свойств молодежи, хотя бы в деталях и просматривалась разница подходов (что является прямым следствием профессионального разделения в сфере социальных и гуманитарных наук); б) значимость для концептуализации рассматриваемого направления исследований ценностно-ориентированного осмысления человека как целостности и общества как целого; в) готовность экспертного сообщества расширить поле своих профессиональных интересов и идти на междисциплинарное взаимодействие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Высшее образование и гуманитарное знание в XXI веке (2009) : монография-доклад Ин-та фундамент. и приклад. исследований Моск. гуманитар. ун-та VI Междунар. науч. конф. «Высшее образование для XXI века» (Москва, МосГУ, 19–21 ноября 2009 г.) / под общ. ред. Вал. А. Лукова и Вл. А. Лукова. М. : Изд-во Моск. гуманитар. ун-та.

Горизонты гуманитарного знания (2011) : монография / под общ. ред. Вал. А. Лукова, Вл. А. Лукова. М. : ГИТР.

Гуманитарное знание: тенденции развития в XXI веке (2006) / под общ. ред. Вал. А. Лукова. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса.

Захаров, Н. В. (2008) Шекспиризм русской классической литературы: тезаурусный анализ. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та.

Ильинский, И. М. (2005) Молодежь как будущее России в категориях войны // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 5–17.

Ильинский, И. М. (2011) Прошлое в Настоящем : Избранное. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та.

Ковалева, А. И. (2006) Личность молодого человека // Знание. Понимание. Умение. № 2. С. 221–222.

Ковалева, А. И. (2011) Общество и личность. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та.

Колин, К. К. (2012) Биосоциология молодежи и проблема интеллектуальной безопасности в информационном обществе // Знание. Понимание. Умение. № 3.

Костина, А. В. (2008) Тезаурусный подход как новая парадигма гуманитарного знания // Обсерватория культуры. № 5. С. 102–109.

Ламажаа, Ч. К. (2011) Тува между прошлым и будущим. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Алетейя.

Луков, Вал. А. (2011) Биосоциология // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 319–323.

Луков, Вал. А. (2012a) Теории молодежи : Междисциплинарное исследование. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация».

Луков, Вал. А. (2012b) Идея биосоциологии // Инновации в корпусе гуманитарных идей. Ч. 1 : сб. науч. трудов. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. С. 38–56.

Луков, Вал. А. (2012c) Концептуализация молодежи в XXI веке: новые идеи и подходы // Социологические исследования. № 1 (333). С. 5–16; № 2 (334). С. 21–30.

Луков, Вал. А. (2012d) Биосоциология молодежи и будущее гражданского общества // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 1. С. 13–19.

Луков, Вал. А., Луков, В. А. (2008) Тезаурус : Субъектная организация гуманитарного знания. М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса.

Луков, Вал. А. (2009) История литературы : Зарубежная литература от истоков до наших дней. 6-е изд. М. : ИЦ «Академия».

Луков, Вал. А. (2012) Тезаурусный «парадокс Элиота» и понятие «взаимоотражение» в художественной культуре // Знание. Понимание. Умение. № 1. С. 26–33.

Носов, Н. А. (1997) Виртуальный человек : Очерки по виртуальной психологии детства. М. : Магистр.

Юдин, Б. Г. (2006) Перспективы человека // Знание. Понимание. Умение. № 3. С. 28–31.

*THE BIOSOCIOLOGY OF YOUTH:
THE EXPERT EVALUATIONS OF CHANGES
IN NEW GENERATIONS*

Val. A. Lukov

(Moscow University for the Humanities)

The article analyzes the primary results of a socio-human expert evaluation on the problems of the biosociology of youth. This expert investigation was started in the Institute of Fundamental and Applied Studies at Moscow University for the Humanities in 2012.

Keywords: biosociology, youth, socio-human expert evaluation, the thesaurus approach.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Vysshee obrazovanie i gumanitarnoe znanie v XXI veke (2009) : monografiia-doklad In-ta fundament. i priklad. issledovaniia Mosk. gumanit. un-ta VI Mezhdunar. nauch. konf. «Vyshee obrazovanie dlia XXI veka» (Moskva, MosGU, 19–21 noiabria 2009 g.) / pod obshch. red. Val. A. Lukova i Vl. A. Lukova. M. : Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta.

Gorizonty gumanitarnogo znaniia (2011) : monografiia / pod obshch. red. Val. A. Lukova, Vl. A. Lukova. M. : GITR.

Gumanitarnoe znanie: tendentsii razvitiia v XXI veke (2006) / pod obshch. red. Val. A. Lukova. M. : Izd-vo Nats. in-ta biznesa.

Zakharov, N. V. (2008) Shekspirizm russkoi klasicheskoi literatury: tezaurusnyi analiz. M. : Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta.

Il'inskii, I. M. (2005) Molodezh' kak budushchee Rossii v kategoriiakh voiny // Znanie. Ponimanie. Umenie. № 3. S. 5–17.

Il'inskii, I. M. (2011) Proshloe v Nastoiashchem : Izbrannoe. M. : Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta.

Kovaleva, A. I. (2006) Lichnost' molodogo cheloveka // Znanie. Ponimanie. Umenie. № 2. S. 221–222.

Kovaleva, A. I. (2011) Obshchestvo i lichnost'. M. : Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta.

Kolin, K. K. (2012) Biosotsiologiia molodezhi i problema intellektual'noi bezopasnosti v informatsionnom obshchestve // Znanie. Ponimanie. Umenie. № 3.

Kostina, A. V. (2008) Tezaurusnyi podkhod kak novaia paradigma gumanitarnogo znaniia // Observatoriia kul'tury. № 5. S. 102–109.

Lamazhaa, Ch. K. (2011) Tuva mezhdru proshlym i budushchim. 2-e izd., ispr. i dop. SPb. : Aleteiia.

Lukov, Val. A. (2011) Biosotsiologiia // Znanie. Ponimanie. Umenie. № 3. S. 319–323.

Lukov, Val. A. (2012a) Teorii molodezhi : Mezhdistsiplinarnoe issledovanie. M. : «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiia».

Lukov, Val. A. (2012b) Ideia biosotsiologii // Innovatsii v korpuse gumanitarnykh idei. Ch. 1 : sb. nauch. trudov. M. : Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta. S. 38–56.

Lukov, Val. A. (2012c) Kontseptualizatsiia molodezhi v XXI veke: novye idei i podkhody // Sotsiologicheskie issledovaniia. № 1 (333). S. 5–16; № 2 (334). S. 21–30.

Lukov, Val. A. (2012d) Biosotsiologiya molodezhi i budushchee grazhdanskogo obshchestva // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2012. № 1. S. 13–19.

Lukov, Val. A., Lukov, Vl. A. (2008) Tezaurusy : Sub»ektnaia organizatsiia gumanitarnogo znaniia. M. : Izd-vo Nats. in-ta biznesa.

Lukov, Vl. A. (2009) Istoriia literatury : Zarubezhnaia literatura ot istokov do nashikh dnei. 6-e izd. M. : ITs «Akademiiia».

Lukov, Vl. A. (2012) Tezaurusnyi «paradoks Eliota» i poniatie «vzaimootrazhenie» v khudozhestvennoi kul'ture // Znanie. Ponimanie. Umenie. № 1. S. 26–33.

Nosov, N. A. (1997) Virtual'nyi chelovek : Ocherki po virtual'noi psikhologii detstva. M. : Magistr.

Iudin, B. G. (2006) Perspektivy cheloveka // Znanie. Ponimanie. Umenie. № 3. S. 28–31.